

М.Г. Павловец, М.Г. Павловец

Тихий Дон
Основное содержание

Книга вторая

Часть четвертая

Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Все так же продолжается бессмысленная война: без побед и поражений, без ненависти, но со страхом, без злобы, но с убийствами. Устали солдаты, казаки и офицеры от бестолковой резни: на фронтах — неразбериха, в тылу — разруха. Зреет, вынашивается всеобщее возмущение (подогреваемое «политическими коммивояжерами» — большевиками). Столкнулся есаул Листницкий с одним из таких посыльных — вольноопределяющимся Ильей Дмитриевичем Бунчуком. Не сразу ясен стал ему казак-пулеметчик, странным показался: фразы не договаривает, выражается двусмысленно, вроде против войны, а сам на фронт пошел. Однажды ночью раскрылся перед ним Бунчук, к тому времени дослужившийся до офицерского чина (хорунжий). Прочитал слова Ленина офицерам, разъяснил позицию большевиков и... дезертировал, но успел Евгений Листницкий доложить о хорунжем Бунчуке куда надо. Полк был снят с позиций, пулеметчики, наиболее поддавшиеся большевистской агитации, расформированы (что было на руку большевикам: большее количество солдат должно знать об их намерениях).

Добрый казаком вернулся на фронт Григорий, обласканный за свои подвиги всем хутором. Не гнулся уже под своими думами, не чувствовал, как прежде, чужой боли. Знал, что честно несет свою казачью службу: берет пленных, отбивает казачью батарею, окруженную немцами, спасает в бою своего соперника — Степана. С холодным презрением играет он чужой и своей жизнью — оттого и прослыл храбрым: четыре Георгиевских креста и четыре медали заслужил, а ведь полный Георгиевский бант — высшая награда для солдата и большая редкость даже в среде известных своей доблестью донских казаков.

Так же лихо (да не так) воевал другой хуторской казак, бывший мелеховский дружок — Мишка Кошевой. Был он два раза судим (по обвинению в изнасиловании и грабеже), воровал, если был голоден или поистрепались портянки, даже у своих товарищей, много раз был наказан, однажды чуть не приговорен к высшей мере. Но любили его казаки за веселый нрав и легкость в общении, за бездумную храбрость и героизм — и выворачивался каждый раз Мишка из-под любого обвинения, сухим из воды выходил. Особенно не выслуживался, но надо грех исправить — и идет добровольцем в разведку, надо искупить вину — приносит снятых им полузадушенных немцев. Возмужавшим, раздобревшим наезжал он как-то раз в хутор в отпуск. Ночевал по жалмеркам, пытался приударить за Дарьей, да ее стерегли Мелеховы пуще глаза. Мишка особо и не расстраивался: получилась — хорошо, а нет — тоже неплохо.

Февральская революция прошла мимо казаков стороной. Пошумели на площади перед домом Мохова старики, не понимая, чего теперь ждать от новой жизни, требуя объяснений с не в меру растерявшегося купца, который принес им странную весть. Появилась надежда у служивых, что войне теперь конец, что распустят их по домам, что вернуться они к своим женам и запущенным за годы войны хозяйствам. Но ничего ровным счетом не изменилось. Только в войсках появились солдатские комитеты (органы, практически не действующие), да на самом фронте началась еще большая неразбериха. Казачьи полки уводились с передовых, до поры задерживались в тылу. Наиболее благонадежные стягивались в Петроград. Так попал в столицу Евгений Листницкий; после случая с дезертирством Бунчука и унижительного обыска казаков был переведен он в другой, более

«спокойный» полк. Столица бурлила: временным правительством оказались недовольны не только большевики, но и высшие офицерские чины. Назревал военный переворот во главе с верховным главнокомандующим генералом Корниловым.

Листницкий очутился в центре всех этих грандиозных событий: он плакал, провожая из Могилева последнего императора, плакал от бессилия и унижительного молчания толпы; он плакал от радости встречи с единственной опорой России — с Корниловым. Случайно оказавшись в Москве в день приезда генерала, Листницкий втесался в толпу, что восторженно приветствовала главнокомандующего, подхватив Корнилова на руки. Генеральскую ногу в лакированном сапоге, задыхаясь от волнения, нес Евгений. Анализируя позже две эти встречи, есаул отмечал осунувшийся лик свергнутого царя и твердое, как будто высеченное из камня, азиатское лицо Корнилова. Листницкого откровенно прельщали люди, уверенные в себе, в своем назначении. Он сам не мог с той же уверенностью противостоять даже простому казаку Ивану Лагутину (из сотни Листницкого), с его обыденной казачьей правдой (зачем вашему отцу четыре тысячи десятин — у него ведь один рот?). И от бессилия, от сознания собственной вины приказал есаул жестоко избить молодого человека, бросившего камень в казачий патруль. Никакие уговоры и мольбы Лагутина не смогли остановить озверевшего от собственной слабости офицера. А вот в генерале Корнилове, во всей его маленькой подтянутой фигурке эта уверенность ощущалась и привлекала к себе слабовольного есаула.

Три года войны не прошли бесследно для жителей хутора Татарского. Как будто мстила она казакам, разрушавшим чужие дома, тем, что превращала в развалины их собственные курени. Единственное хозяйство, более менее остававшееся в порядке, — Мелеховых. Но не до всего доходили руки пожилого уже Пантелея Прокофьевича, посев сократился, а как только семья мелеховская уменьшилась — на место ушедших Петра и Григория родила Наталья двойню: сына и дочь. Угодила старикам. Рожала Наталья одна в бурьяне, стесняясь свекра, вернулась к вечеру: сама чистая и детей вымыла. На ребятшек наглядеться не могла, весь год кормила их грудью, прикладывая сразу обоих. Сама худела и бледнела, а детей выходила, взлелеяла. Тот год вообще оказался прибыльным для Пантелея Прокофьевича: корова отелилась двойней, овцы окотили по двойне, козы...

Дарья по-прежнему, только с еще большим бесстыдством, гуляла, словно наверстывая упущенное за всю свою тяжелую жизнь. Как-то проснулся Пантелей Прокофьевич, вышел на баз, а ворота, кем-то снятые с петель, посередине улицы лежат — позор. Сделал старик Дарье внушение, как умел (отходил вожжами). Позднее отомстила ему невестка: в стыд вогнала свекра, вздумавшего вновь подойти к ней с попреками. С той поры перестал Пантелей Прокофьевич замечания делать, стыдливо опуская глаза при появлении Дарьи. Слухи же о ее похождениях доходили до Петра. Как-то рассказал о ночах, проведенных с жалмеркой Мелеховой, вернувшийся из отпуска Степан. Случайно или нарочно (в доказательство) уронил перед Петром платок с вышивкой Дарьи — так снова затянулся узелок ненависти между Мелеховым и Астаховым. А жене Петра все с рук сошло, когда приехала она к мужу в армию: казаки с завистью смотрели на самоотверженную женушку, страстно обнимавшую своего милого. От всего сердца радовалась и сама Дарья, забыв уже, что две ночи тому назад спала она в вагоне с драгунским ветеринарным фельдшером.

Устали казаки воевать. Не оправдались их надежды ни на Февральскую революцию, ни на Временное правительство, ни на сильную руку генерала Корнилова — заговор провалился. Саботаж железнодорожников, сопротивление, правда редкое, самих казаков (например, сотня Ивана Алексеича), беспорядки на фронтах — все это не дало осуществить так прекрасно разработанный план Корнилова. Генерал Крымов застрелился, на следующий день (1 сентября) были арестованы Корнилов, Лукомской и Романовский. Содержали их под стражей в гостинице «Метрополь». В Бердичеве 2 сентября арестовали главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Деникина, его начштаба генерала Маркова, генерала Ванновского и командующего Особой армией генерала Эрдели. В Бы-

хове, в женской гимназии, куда они были помещены, бесславно закончилось корниловское движение, породив вскоре новое, более страшное детище — гражданскую войну.

Корнилов не прерывал связи с Калединым, подготавливая почву для возвращения на Дон (Каледин прислал положительный ответ). Генерал всячески старался поддержать преданные ему войска текинцев: Каледин по его настоянию послал в Туркестан голодающим семьям военных несколько вагонов хлеба. Октябрьский переворот всколыхнул быховских заключенных. 19 ноября 1917 года, перед сдачей без боя города Могилева, все пленные генералы покинули место заключения, отправившись в спешном порядке на Дон. Войска, лишённые своих командующих, ещё продолжали бессмысленные перестрелки, ещё продвигались, не достигая пунктов назначения, казачьи полки. Редкое в начале войны дезертирство теперь стало обычным делом. Подвержены ему оказались даже самые верные правительству казачьи войска. Сотня есаула Листницкого самовольно снялась с вверенного ей поста у Зимнего дворца, оставив позади офицеров, юнкеров и женский батальон.

Сотня, в которой состоял Иван Алексеевич, в прошлом машинист моховской вальцовки, а теперь — бессменный председатель сотенного комитета, была отправлена в тыл для поддержки корниловского мятежа, но, не доехав до станции Дно, отказалась от дальнейшего следования на Петроград. В полном составе без единого офицера решили отправиться обратно на фронт своим ходом. Ни телеграмма от главнокомандующего (переданная догнавшими сотню казачьим офицером и двумя представителями Дикой дивизии), ни угрозы горцев не могли остановить взбунтовавшихся казаков, не желающих поднимать оружие против своих.

Полк, в котором когда-то служил Евгений Листницкий, тоже перебрасывался на Петроград. Его на станции Нарва посетил бывший офицер-дезертир, хорунжий Илья Бунчук. Стараясь ответить на вопросы, волновавшие казаков, Илья Дмитриевич доступно рассказал им о недостатках Учредительного собрания, о Ленине, о земле, о войне, говорил о своем, казачьем (которое до поры перебарывало в людях общественное, чужое). На начавшемся внезапно митинге Бунчуку пытались противостоять офицеры полка. Калмыков особенно напирал на личность выступавшего — мол, дезертир, отсиживался в тылу, пока полк его мяли-истязали на фронте. Однако слова Бунчука оказались значительно ближе и понятнее простым казакам, чем выпендренные речи офицеров о чувстве долга и патриотизме. Начальство было арестовано. Калмыкова увели Бунчук и Дугин. По дороге на дерзкие выпады офицера Бунчук ответил огнем. В бешенстве он расстрелял беззащитного, безоружного Калмыкова. Либо мы их, либо они нас, так объяснил Бунчук свой поступок. И по-прежнему тверд и негибем был его взгляд.

12-й полк был снят с позиций и переброшен в тыл нести заградительную службу, задерживать дезертиров и направлять их в штаб дивизии. Мишка Кошевой, успешно избежавший плена, попал в один из первых дозоров. После полудня казаки заметили группу из десяти солдат. Те шли в открытую, не было сил скрываться и прятаться. Оборванные, изможденные, они слабо защищались от выехавшего наперехват казачьего наряда. На фоне тусклого и мирного октябрьского пейзажа в бестолковой злобе толкались люди. Казаки сами осознавали невиновность солдат. Отказавшись от предложенной взятки (это даже оскорбило их), наряд отпустил дезертиров, а Мишка Кошевой посоветовал даже укрыться пока в редком лесочке и дальше отправляться под прикрытием темноты. Всем уже опостыдела эта война.

В первых числах ноября стали доходить до казаков противоречивые слухи о перевороте в Петрограде. Фронт рушился. В сложившейся обстановке задание 12-го полка оказалось бессмысленным. Полком пытались прикрывать все бреши на позициях, оставляемых пехотой. В декабре казаков окончательно вывели с фронта и, погрузив в эшелоны вместе со всем полковым имуществом, отправили обратно на Дон. Несколько раз вооруженные красногвардейские части пытались разоружить казаков, арестовать офицеров. Казаки как могли оборонялись, сдавать оружие отказывались, офицеров в обиду не давали.

Только одного саботажника и доносчика самолично приговорили к смерти: полкового адъютанта Чирковского расстрелял Чубатый. Полк в половинном составе (остальные разъехались по домам прямо со станции) пришел в хутор Каргин, где с торгов были проданы привезенные с фронта трофеи. Восемнадцать всадников с хутора Татарского (среди них был и Мишка Кошевой) выехали домой вечером.

Вопросы и задания

1. Что в отношении Григория к военной службе выдает в нем типичного казака? (Гл. IV.)
2. В чем принципиальное отличие подвигов, за которые были награждены Григорий Мелехов, Митька Коршунов и Евгений Листницкий? (Гл. I, II, IV, VI, X, XII и др.)
3. Какие эпизоды четвертой части объясняют причины провала корниловского мятежа? (Гл. VII, VIII, XI, XIII, XIV, XV, XVII, XVIII.)
4. Перечислите факты, свидетельствующие о разложении регулярных частей верной правительству армии. (Гл. XIX, XXI и др.)

Часть пятая

Поздней осенью 1917 года стали возвращаться в хутор Татарский фронтовики. Они-то и принесли известие, что Григорий Мелехов остался в Каменской с большевиками. Григорий, к тому времени за боевые заслуги произведенный в хорунжие, действительно поддавался сильному влиянию Федора Подтелкова — казака, который сыграл одну из главных ролей в истории революционного движения на Дону. Простая правда Подтелкова перевесила в душе Григория сомнительные разглагольствования о судьбе казачества другого сослуживца-однополчанина — сотника Ефима Изварина, одно время прельстившего Мелехова своими идеями. Изварин, человек образованный и не без таланта (сын зажиточного казака, окончил Новочеркасское юнкерское училище), знаток истории казачества, стоял за автономию Области Войска Донского, за установление того порядка на Дону, который был еще до порабощения казачества самодержавием. Идея автономии привлекала многих казаков: они были за большевиков, так как те выступали против войны, но против большевизма, так как по большей части казак — человек зажиточный и делить свою землю (то есть делиться ею с мужиками) не намеревался. Григорий же, на долгие годы оторванный от родного дома, отошел и от такой тесноватой казачьей правды. Потому и поддавался он на простые и доходчивые подтелковские речи.

Не один Григорий клонился под тяжелыми раздумьями. Мало на хуторе осталось казаков, кто бы спокойно переживал грозные революционные годы. Татарский, да и все Войско Донское, оказалось поделено на обольщенных фронтовиков и верных правительству (а по большей части — самим себе) казаков. Шла скрытая, иногда прорывавшаяся на улицу междоусобица. Зрели зачатки гражданской войны. И как бы ни хотелось казакам, уставшим от изнурительных боев, избежать кровопролития, черная туча неприятия и ненависти все ближе придвигалась к их куреням.

Новочеркасск притягивал всех бежавших от большевистской революции. Сюда прибыли генералы Алексеев, Деникин, Лукомский, Марков, Эрдели. Появился здесь и Корнилов. Каледин стянул с фронтов все казачьи полки и расположил их по железнодорожной магистрали Новочеркасск — Чертково — Ростов — Тихорецкая. Но надежды на уставших от войны казаков было мало. Первый поход на Ростов не удался: казаки самовольно развернулись, отказавшись идти в наступление. Однако уже 2 декабря Ростов был полностью занят добровольческими частями. С приездом Корнилова туда был перенесен центр Добровольческой армии.

В свою очередь готовились к отпору и малообученные красногвардейские отряды. По поручению большевиков в Ростов из Новочеркаска (где он навещал мать, которую не видел уже восемь лет) прибыл Бунчук. Он должен был в короткий срок организовать

пулеметную команду. Среди бывших рабочих, а теперь учеников пулеметчика Бунчука оказалась женщина — Анна Погудко. В прошлом гимназистка, потом рабочая с Асмоловской фабрики, теперь же — «верный товарищ». Довелось Бунчуку узнать всю степень Аниной верности: она была рядом с ним и в бою, и во все месяцы его затяжной тяжелой болезни. Именно она выходила Илью Бунчука, заболевшего тифом после боя под Глубокой, именно она стала ощутимой опорой Бунчуку в нелегкий период его жизни, когда того послали работать в Революционный трибунал при Донском ревкоме. Ежедневно расстреливая за городом врагов революции, с каждым выстрелом терял, казалось, Илья Дмитриевич частицу своей души, разумом понимая и принимая справедливость заданной работы — грязь ведь кому-то надо убирать. Но казак Бунчук никак не мог представить и принять, что грязью стали те самые труженики-хуторяне, которые, как и он, мокли в окопах, мозолили руки в труде. Только поддержка Анны помогла Бунчуку в самое дикое время не сломаться, вынести свой крест, выполнить задание. Анна оставалась рядом с ним до конца своих дней. На глазах Ильи подняла она солдат, готовых уже к бегству, в бой, а сама получила смертельную рану. С гибелью Анны из Ильи ушла жизнь. Так оборвалось сильное чувство, которому не суждено было раскрыться в полной мере. Съезд фронтового казачества в Каменской объявил о переходе власти в руки Военно-революционного комитета. Была выбрана делегация на Всероссийский съезд Советов в Петроград, а оттуда, по поручению съезда, отправились казаки в Новочеркасск, к Каледину, забирать власть в свои руки. Надежда на мирное соглашение с большевиками и с Войсковым кругом не покидала фронтовиков. Сомневались в этом лишь сами члены делегации — Подтелков, Лагутин и Кривошлыков. Атмосфера неприятия и вражды, окутавшая членов комитета сразу по прибытии в Новочеркасск, охладила миролюбиво настроенных казаков. Безрезультатное совещание в станице Каменской между членами Войскового круга и Военно-революционным комитетом повторилось, но уже в Новочеркасске. Каледину надо было лишь выиграть время: в тылу большевистски настроенных станиц начинал действовать отряд Чернецова. Войсковое правительство от своих полномочий отказываться не собиралось, в ультимативной форме предлагая Военно-революционному комитету фронтовиков расторгнуть соглашение с Советом Народных Комиссаров.

Чернецов тем временем занял станицы Каменскую и Лихую, шел на Глубокую. Разрозненные, неорганизованные, хотя, в сущности, значительные силы Донревкома вынуждены были отступать. Из числа выборных командиров вдруг проявился войсковой старшина Голубов. Под его по старинке жестким командованием казаки собрались и Глубокую отстояли. Командование одним из дивизионов 2-го запасного полка принял, по приказанию Голубова, Григорий Мелехов. Однако повоевать против своих же братьев казаков Григорию не пришлось: в первом же бою он был ранен в ногу. Тогда же был взят в плен Чернецов, а с ним человек сорок офицеров. Тут-то и разразилась трагедия, на долгое время оттолкнувшая Григория от большевистского движения, смутившая и без того неустойчивый дух донского казака. Чернецова и плененных с ним офицеров Голубов взял на поруки. Однако, несмотря на записку боевого командира Голубова, Подтелков убил Чернецова, а над офицерами учинил зверскую расправу. Полузадушенный, звериный крик Подтелкова, лихорадочный стук выстрелов, перемежавшийся с воплями ничего не понимающих, безоружных, дико орущих пленных, еще долго не давали покоя Григорию Мелехову.

После ранения под станицей Глубокой Григорий неделю пролежал в походном лазарете в Миллерово. Немного подлечившись, он решил вернуться домой. Безрадостным было это второе возвращение Мелехова: опустошенный, разбитый войной, хотел он отвернуться от всего бурлящего ненавистью мира. Снова непреодолимо тянуло к Аксинье, радость с Натальей казалась далекой, пережитой. Даже двойняшки, которых он ни разу не видел, были чем-то нереальным, помимо него существовавшим. Однако не успел Григорий войти в привычную неторопливую колею семейной жизни, как новое неожиданное известие прорвало хуторское затишье. После того как калединцы потрепали

революционные казачьи части, Донской ревком попросил поддержки у руководителя боевыми операциями против Каледина и контрреволюционной Украинской рады. На помощь казакам были высланы красногвардейские отряды. Они-то способствовали разгрому карательного отряда Чернецова и восстановлению положения Донского ревкома. Инициатива перешла в руки революционного казачества. Противника теснили к Новочеркаску. На экстренном совещании членов донского правительства в атаманском дворце выступил Каледин. Он уже мало напоминал того уверенного в своих силах генерала, который отказался передать правление Донского округа в руки Военно-революционного комитета. Каледин тяготился своей властью, устал от бессмысленного, затянувшегося кровопролития, от пустых разговоров и выступлений. Надежда казачества, он не мог вести своих людей против их же братьев и отцов. Передав правление Городской думе, Каледин находит единственный выход для себя в самоубийстве: главное — остановить захлестнувшие Дон вражду и ненависть.

Известие о гибели Каледина привез в хутор Пан-телей Прокофьевич, одновременно с этой новостью пришло сообщение о вступлении красногвардейских отрядов на земли Войска Донского и отступлении Добровольческой армии. Все эти события требовали немедленного решения от хуторских казаков: на чью сторону встать, за кого воевать. Что война неизбежна, сомнению не подлежало — вот-вот начнется мобилизация, и тогда решения будут принимать другие. Когда-то активные фронтовики, собиравшиеся на советы, посылавшие делегацию от хутора Татарского на съезд в станицу Каменскую, казаки теперь погрязли в своих личных делах, повседневных заботах. Не так-то легко семейному человеку оторваться от налаженной трудовой жизни. Валет предложил бежать, но Иван Алексеевич и Христоня сомневаются в своевременности и целесообразности побега. Григорий выступает против бегства, чувствуя свою слабыхарактерность и еще более злясь от этого на бунтующего (бездетного и бессемейного) вальцовщика. Поддержал Валета только Мишка Кошевой (молодой задор которого нечем было остудить). Однако побег не удался (Валета застрелили на месте — мужик, Мишку же пожалели, выпороли на площади и отпустили), а Григорий вместе с Христоней и многими другими казаками-фронтовиками был записан «добровольцем» в контрреволюционный казачий отряд. Отрядным был выбран Петр Мелехов, боевые заслуги младшего брата перечеркнула никудышная биография — воевал на стороне большевиков.

Добровольческая армия отступала на Кубань. После долгих совещаний и переговоров с генералами Корнилов принял это решение. Плотная колонна корниловских войск, вышедшая из Ростова, пестрела шинелями гимназистов и реалистов, но обладали все-таки солдатско-офицерские. За многочисленными подводами обоза шли беженцы — пожилые приличные господа в городских пальто, женщины, утопающие в сугробах своими высокими каблуками. В одной из рот Корниловского полка шел за своим кумиром есаул Евгений Листницкий, с некоторым сожалением оставляя позади и старика отца, и Аксинью, с недавних пор все более тянувшую воспоминаниями к себе. «Россия всходит на Голгофу...» Отказался выступать только походный атаман Войска Донского генерал Попов с отрядом, насчитывающим около 1600 сабель, при 5 орудиях и 40 пулеметах. Прекрасно чувствуя настроения казаков, не желающих покидать родные места, и опасаясь дезертирства, Попов решил увести отряд на зимовники в Сальский округ, чтобы совершать оттуда партизанские вылазки в тыл обольшевиченных станиц.

Однако и большевики в свою очередь упустили шанс на скорое мирное завершение гражданской войны на Дону. В двадцатых числах апреля верховые станицы Донецкого округа откололись, образовав свой округ — Верхне-Донской. Поднимала голову казачья контрреволюция с попустительства самих красногвардейских отрядов: еще с начала марта перебирались, теснимые гайдамаками и немцами, разрозненные советские войска на Дон. Под влиянием уголовных элементов, наводнивших отряды, красногвардейцы бесчинствовали по дорогам. Некоторые совершенно разложившиеся подразделения ревкому приходилось даже разоружать и расформировывать. Один из таких отрядов 2-й Социали-

стической армии расположился на ночевку под хутором Сетраковым. Несмотря на угрозы и запрещения командиров, красногвардейцы толпами пошли в хутор, начали резать овец, на краю хутора изнасиловали двух казачек, открыли беспричинную стрельбу на площади. Ночью заставы перепились, а в это время трое верховых казаков, высланных из хутора, уже поднимали в окрестных хуторах народ, сколачивая отряды из фронтовиков. Через час после нападения казаков отряд был уничтожен: более двухсот человек порублено и расстреляно, около пятисот взято в плен. Это и послужило причиной для раскола Донецкого округа.

По зимовникам бродил генерал Попов, грозя оттуда Новочеркаску, взбунтовавшиеся казаки с низовья подходили к Ростову и занимали предместья. Лишь на севере теплились еще очаги революции. К ним-то и потянулся Подтелков, собрав экспедицию с целью мобилизации фронтовиков, чтобы кинуть их на немцев и низовцев. Однако дело это оказалось не из легких: пути были забиты эшелонами отступавших с Украины красногвардейцев, казаки-повстанцы рвали мосты, немецкие аэропланы ежедневно обстреливали пути. Все это заметно тормозило продвижение экспедиции, для которой каждый день мог оказаться решающим. Подтелков решил продолжать путь пешком порядком. Население украинских слобод принимало отряд с заметным радушием, однако чем ближе продвигался он к Краснокутской станице, тем ощутимей была настороженность и холодность местных жителей. Наконец отряд вступил на земли Краснокутской станицы, тут-то и подтвердились самые тревожные опасения Подтелкова: по словам старика пастуха, Совет в станице прикрыт, выбран атаман, предупредивший казаков о приближении подтелковского агитационного отряда. Люди бежали от красных как от чумы.

Подтелков, стоявший до последнего за продвижение вперед, засомневался, решил возвращаться, в этот момент их обнаружил казачий разъезд. Сразу атаковать не стали, дождались темноты, а ночью в хутор Калашников, где остановился отряд, были высланы делегаты с предложением о немедленной сдаче оружия. Подтелковские казаки к этому были готовы: никто не собирался воевать со своими бывшими однополчанами. Видимое миролюбивое отношение подкупило бывших фронтовиков. До последнего сопротивлялся лишь Бунчук (он вместе с Лагутиным и Кривошлыковым входил в состав экспедиции). Однако его никто слушать не стал подтелковские казаки перемешались со своими «конвоирами», мирно беседуя. Но уже через полчаса несколько казаков, один из них вахмистр, растолкали сбитый в полный массив народ, отделив казаков из отряда Подтелкова. Не желавших сдавать оружие красногвардейцев разоружили силком, остальные не сопротивлялись. Пленных начали избивать, озверев при виде безоружных врагов. Так пригнали их на хутор Пономарев, где, переписав, закрыли в тесной лачужке. Бунчук и еще трое красноармейцев данные свои назвать отказались. Военно-полевой суд, организованный наспех из представителей хуторов, участвовавших в поимке Подтелкова, приговорил всех пленных к расстрелу, самого Подтелкова и Кривошлыкова — к повешению (мало их расстрелять!). Наутро приговор привели в исполнение. К этому времени прибыл отряд под командой хорунжего Петра Мелехова. В ответ на предложение участвовать в казни Петр возмутился, однако даже в его отряде охотники нашлись — одним из них оказался Митька Коршунов. С первыми же выстрелами толпа зевак поредела (первой не выдержала женщина с ребенком на руках: с криком, закрывая глаза ребенку, она побежала в хутор). Отвратительное зрелище уничтожения, крики и хрипы умирающих, одиночные выстрелы, добивающие раненых, плач ожидающих своей очереди — все это разогнало толпу. Остались лишь фронтовики, привыкшие смотреть на чужую смерть, да озверевшие без меры старики. Слишком знакомой показалась эта картина Григорию, прибывшему с отрядом Петра, потому, когда заметил его Подтелков, вспомнил Григорий те же крики и стоны, ту же злость и жестокость, развязанную при попустительстве самого Подтелкова.

И снова чувствуя ту же горечь, боль и отчуждение, уехал Григорий, сопровождаемый Христоней (тоже не желающим быть причастным к этому злодейству). Не видели они последних минут Подтелкова и Кривошлыкова (по просьбе Подтелкова казнили их

последними, чтобы могли они поддержать своих товарищей). Понял Федор Подтелков в последние минуты жизни все безобразие гражданской войны, всю ее безысходность и аморальность; не взорвался он злобой и ненавистью к своим убийцам в предсмертном слове, простил и пожалел их за содеянное.

Вопросы и задания

1. Проследите историю развития отношений Бунчука и Анны Погудко. Какое место их линия занимает в ряду других любовных линий романа? (Гл. V, VI, VII, XVI, XVII, XIX, XX, XXV.)

2. Как меняется образ Подтелкова к концу пятой части? (Гл. II, X, XII, XXX.) В чем сходны и чем отличаются взгляды Подтелкова и Изварина? (Гл. II.) Почему, вначале привлекательные для Григория, они в конце концов им отвергаются? (Гл. XII, XIII, XXX.)

3. Сопоставьте сцены расстрела отряда Чернецова и отряда Подтелкова. Что между ними общего? (Гл. XII, XXX.)

4. В чем отличие второго возвращения Григория домой от первого? (Гл. XIII.)

5. Какие главы романа иллюстрируют слова М. Шолохова, что во второй книге его «душит история»? (Гл. III, XV и др.)